

Глава 4. Некоторые проблемы мировой и российской экономики и циклическая динамика

Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Гринберг Р. С.

Начать статью приходится с констатации факта, что выход из кризиса 2008–2009 гг. оказался очень необычно вялым, настолько вялым, что это сложно полностью объяснить даже тем, что мировая экономика вступила в понижательную фазу пятой кондратьевской волны. Несмотря на все усилия, разогнать экономику не удалось, а мы уже на пороге новой рецессии. Постоянно идут споры о том, что делать или не делать для ускорения экономического роста. В этой связи уместно отметить существование двух мифов, которые прижились в мировой экономической литературе, о том, почему вообще растет экономика. Первый говорит, что главное в этом процессе – инвестор, капиталист, менеджер и общество, если оно хочет развиваться, должно его поддерживать. Второй миф говорит о том, что это неправда, что главное в современной экономике – спрос. А спрос – это многочисленный средний класс, у него должны быть деньги. И ваши мерседесы и тойоты никто не станет покупать, если не будет покупателей. Надо сказать, что этот спор длится примерно 200 лет. И сегодня в Америке он тот же, что и раньше. На самом деле в каждом мифе есть доля правды, но похоже, существует проблема нахождения баланса между двумя этими взглядами. Но похоже, нет никаких ясных рецептов, как добиться здоровой экономики со здоровым кредитом. Тем более никто не знает, какой государственный долг может позволить себе Америка, если сегодня он уже превышает валовой внутренний продукт, что является, согласно любому учебнику экономики, совершеннейшей безответственностью.

Для мира, уже который год переживающего кризис, наступил момент истины – упоение «свободной» экономикой прошло, уступив место разочарованию и усталости от радикального, безудержного либерализма. На смену идет система, еще не получившая своего «изма». Очевидно, однако, что без мощной и систематической государственной активности экономике уже не обойтись. У новой модели будут, естественно, свои проблемы, но

в любом случае для нас это движение вперед и, что очень важно, – движение в общем мировом тренде.

Другое дело, что любая смена моделей – это прежде всего смена идей, а значит, и людей, которые выступают их носителями. Поэтому данный процесс по определению не может быть безболезненным. И второй принципиальный момент: новая модель возникает как конструктивный результат общемирового кризиса, но для каждой страны этот кризис – свой, индивидуальный (подробнее см.: Гринберг 2015; 2016; Гринберг, Рубинштейн 2008; см. также: Гринин и др. 2016; 2017; 2018; Гринберг, Гринин, Коротаев 2018).

В свете этого особое значение приобретает теория длинных волн, которая служит важнейшим инструментом как для адекватного понимания текущих мир-системных процессов, так и для их прогнозирования. Основоположником теории длинных циклов (или волн) является выдающийся российский социолог и экономист Н. Д. Кондратьев (2002 [1922]; 1988 [1923]; 1993 [1925]; 2002 [1926]; 2002 [1928]). Соответственно эти волны были названы кондратьевскими. Ученый в 1920-е гг. обратил внимание на то, что в долгосрочной динамике некоторых экономических индикаторов (начиная по крайней мере с конца XVIII в.) наблюдается определенная циклическая регулярность. Она заключается в том, что на смену фазам ускоренного роста соответствующих показателей приходят фазы их относительного спада или более медленного роста. Длительность одной волны составляет в среднем от 40 до 60 лет. Таким образом, циклы (волны) Кондратьева имеют достаточно строгую периодичность в течение как минимум двух веков подряд. Далее мы обозначаем их как К-волны. Каждая К-волна состоит из двух фаз примерно одинаковой длительности, то есть каждая фаза длится 20–30 лет. Одна из фаз – повышательная, или восходящая (А-фаза), – характерна тем, что всему ее периоду в целом (но с флуктуациями) свойственен ускоренный рост определенных важных показателей, например цен, ВВП и т. п. Другая фаза – понижательная, или нисходящая (в дальнейшем часто В-фаза), – характерна противоположной тенденцией. Всему ее периоду в целом (но с флуктуациями) свойственно падение (замедление) соответствующих показателей, например происходит снижение цен, падение темпов роста ВВП и т. п. (подробнее об этой теории см. *Главу 2*).

Очень важно отметить принципиальное различие в функционировании национальных и мировой экономик, которое не всегда учитывается. Дело в том, что в современной мировой экономике на глобальном уровне нет сильного и отработанного механизма с использованием монетарных и немонетарных мер, подобного регулированию на национальном уровне. Поэтому на наднациональном уровне во многом действуют неискаженные экономические законы, проявляющие себя, как и в прежние времена, в виде сменяющих друг друга коротких или длинных циклов конъюнктуры в национальной рыночной экономике. Это выражалось и выражается в бумагах и спадах среднесрочных жюглярских циклов (см., например: Juglar 1862; 1889 [1862]; Туган-Барановский 1894; 2008 [1913]; Schumpeter 1939; Гринин, Коротаев 2010; 2012; Гринин, Малков, Коротаев 2010а; 2010б; Гринин, Коротаев, Цирель 2011; Grinin, Korotayev, Malkov 2010), а также в виде восходящих и нисходящих фаз длинных кондратьевских циклов.

Отметим, что сам Н. Д. Кондратьев первым попытался разработать теорию таких колебаний конъюнктуры (Кондратьев 2002 [1922]; 1988 [1923]; 1993 [1925]; 2002 [1926]; 1928; 2002 [1928]; 2002), но данный феномен был замечен и описан намного раньше (см. подробнее в *Главе 3*). У современной мировой экономики есть и другие признаки, которые позволяют переносить на нее некоторые феномены, уже почти ушедшие в прошлое в связи с государственным регулированием. О некоторых мы писали в своих работах (см., например: Гринин, Коротаев 2010; 2012: Гл. 2; Гринин, Малков, Коротаев 2010а; 2010б).

Необходимо продвинуться в понимании органической, хотя и весьма нелинейной и непростой связи между среднесрочными и долгосрочными экономическими циклами. Эта задача тем более важна, что едва ли не со времен Й. Шумпетера в этом плане не было каких-то заметных сдвигов. Прежде всего достаточно очевидно, что если каждая фаза кондратьевской волны длится 20–30 лет, в нее укладывается от двух до четырех среднесрочных жюглярских циклов, а в среднем в одну кондратьевскую волну (40–60 лет) вмещается 4–6 циклов (7–11-летних) Жюгяра. Кроме того, в длинные волны встраиваются более короткие (20–30-летние) ритмы С. Кузнеца, причем природа взаимодействия между ними и длинными волнами еще не до конца изучена. В отношении объяснения природы взаимодействия между длинными волнами, цик-

лами Кузнеця и Жюгляря тем не менее уже получены предварительные результаты о возможной воспроизводственной природе этой связи с механизмом внедрения инноваций разной степени радикальности и разных типов (технологические, организационные).

Между средними и длинными циклами имеется и более глубокая связь. Известно, что на нисходящих фазах кондратьевских волн периоды депрессии жюглярских циклов оказываются более затяжными, а подъемы – более вялыми. На восходящих фазах ситуация меняется: подъемы становятся более сильными и длительными, фазы депрессии сокращаются, а кризисы обычно проходят быстрее. В фазе подъема кондратьевской волны амплитуда ритма Кузнеця более высокая, а амплитуда и продолжительность ритма Кузнеця понижательной фазы более низкая и короткая. В аспекте межциклических взаимодействий в процессе перехода от спада к подъему важно изучить механизм инвестиций в основной капитал, который опосредует внедрение технологических инноваций и является ключевым экономическим механизмом цикла, и выявить, как этот механизм меняется в период финансовой нестабильности, определяющей специфику современной глобальной экономики.

Для понимания влияния длинных волн на долгосрочную экономическую динамику очень важно видеть взаимосвязь длинных волн и волн базисных инноваций. Напомним, что история длинных циклов тесно связана с появлением, развитием и сменой так называемых технологических укладов, которые представляют собой систему ведущих в определенный момент технологий и способов их применения.

Каждая новая кондратьевская волна вызывается витком базисных технологических инноваций, возникших на понижательной фазе предшествующей волны. Прорывные инновации открывают обширную нишу для расширения производства и вызывают приток инвестиций. Длинная волна идет на подъем. В результате формируются новые сектора экономики, образующие новый технологический уклад. Последний в конечном счете перестраивает всю хозяйственную жизнь и в итоге создает новую техно-экономическую парадигму. Однако инновации распространяются в течение достаточно длительного времени, соответственно и процесс перестройки экономики занимает от 20 до 30 лет. На первых порах отдача от новых технологий высокая. Но когда они широко распространяются, отдача от них резко снижается. Тогда наступает понижательная

фаза длинного цикла. Она характерна более медленным и трудным экономическим развитием, однако именно в процессе преодоления этих трудностей формируются изобретения и инновации нового технологического уклада. Затем формируется ядро нового технологического уклада и начинается подъем новой волны. Выделяется шесть таких технологических укладов (шестой – предполагаемый для периода 2020–2060-х гг.). О роли инноваций в длинноволновой динамике, о технологических укладах, включая и прогнозируемый шестой, см. в *Главах 2 и 7* данной монографии.

Укажем здесь только на некоторые из наших выводов в отношении связи инноваций, длинных волн и среднесрочных экономических циклов. Более глубокие по своим проявлениям кризисно-депрессивные фазы среднесрочных циклов на понижательной фазе кондратьевской волны неизбежно требуют от общества также более глубоких и радикальных инноваций, причем не только в технико-технологическом аспекте, но и в социально-правовом, политическом, идеологическом и культурном аспектах, в системе международных и – шире – мир-системных связей. Иначе общество не сможет преодолеть негативные последствия экономических кризисов и выйти из депрессии.

Только глубокие изменения в самых разных сферах общества, а также новые подходы к регулированию экономики позволяют в конце концов обеспечить переход к значимому подъему. В результате происходит переход к новой системе отношений, которая открывает для экономик возможности развиваться в ближайшие десятилетия уже не со столь кризисными проявлениями. Однако поскольку дальнейшее развитие идет сравнительно мягко, то и потребность в реформировании и обновлении отношений слабеет. Отсюда происходит накопление противоречий и структурных пороков системы, которые через некоторое время начинают проявляться (уже на качественно новом уровне развития) в виде более жестко и/или длительно протекающих рецессий и депрессий, а само развитие идет с менее длительными и бурными фазами подъемов.

Иначе говоря, повышательная фаза исчерпывает потенциал структурных изменений предыдущих десятилетий и сменяется понижательной фазой. Таким образом, в большей мере через среднесрочные циклы понижательные/нисходящие фазы кондратьевских волн как бы сами подготавливают для себя условия для трансфор-

мации в повышательные/восходящие. И, в свою очередь, меньшая острота кризисно-депрессивных фаз жюглярских циклов на повышательных фазах кондратьевских волн обуславливает их поворот к понижательным фазам. Именно такой поворот после определенной эйфории, как представляется, мы и наблюдаем в настоящее время. Вот почему наиболее тяжелыми кризисами становятся кризисы, так сказать, «поворотные», от повышательной фазы к понижательной и наоборот (в частности, произошедшие в 1847, 1873, 1929, 1973 гг.), к которым относится и последний глобальный кризис.

Важное значение в рамках данной монографии придается анализу взаимосвязи между сменой технологических укладов и парадигм, с одной стороны, и динамикой кондратьевских волн – с другой; анализу длительности повышательных и понижательных фаз, выявлению тенденций к сокращению периода кондратьевских волн, что используется для построения экономических макропрогнозов. Большую роль играет и выявление органической связи между экономическими циклами разной длительности, что используется для определения силы различных факторов, ответственных за возникновение кризисов, и разработки рекомендаций по смягчению циклической динамики.

Кризисы в свете теории экономических циклов

Экономический кризис (крах, спад и депрессия) – это наиболее драматическая часть экономического среднесрочного жюглярского цикла. Кризисы всегда являются результатом предшествующего активного роста, поскольку этот рост неизбежно создает структурные напряжения не только в экономике, но и в обществе в целом (институты общества рассчитаны на определенный объем и масштаб явлений и процессов). Но, разумеется, все кризисы при некоторых сходствах протекают по-разному. Кроме того, заметно отличаются они в зависимости от того, на какой – повышательной или понижательной – фазе длинной кондратьевской волны они случаются (см.: Кондратьев 2002: 380–381; см. также: Гринин, Коротаев 2014; Grinin, Korotayev, Tausch 2016)¹.

¹ Н. Д. Кондратьев, в частности, отмечал: «Характер фазы большого цикла, на которую приходится данные средние циклы, не может не отражаться на ходе средних циклов. Действительно, если мы возьмем средние циклы, то очевидно, что все повышательные тенденции элементов, участвующих в средних циклах, будут

Практически любые циклические кризисы связаны с расстройством (падением или даже обвалом) денежного (золотовалютного) обращения, биржевых курсов акций и других ценных бумаг (облигаций, векселей и т. п.), с различного рода спекуляциями (в том числе акциями, сырьем, земельной и жилищной недвижимостью, участками, богатыми полезными ископаемыми, и т. п.)².

Поэтому чисто экономических (в смысле – чисто промышленных) кризисов практически не бывает и, возможно, даже не может быть. Экономические кризисы всегда связаны с кризисами в области обращения во многих (а нередко и во всех) сферах экономики: банковско-кредитной, золотовалютной, биржевой, внешнеторговой, в оптовой и розничной торговле, области движения капиталов, эмиссии ценных бумаг, сфере спекуляций различными ценностями, включая недвижимость. В некоторых случаях именно эти сферы являются ведущими в плане основного вектора кризиса, в других – ими являются процессы, протекающие в легкой или тяжелой промышленности, строительстве и транспорте (в которых создаются чрезмерные запасы, возникают слишком большие объемы производства, долгосрочных инвестиций, чрезмерные долги по кредитам и т. п.). Баланс такой «ответственности» за кризис в каждом случае (и в каждой стране в период даже одного мирового кризиса) может быть весьма различным. Кризисы в области обращения, связанные

ослабляться, а все понижательные тенденции их будут усиливаться общей понижательной волной большого цикла. Если, наоборот, мы возьмем средние циклы, падающие на повышательный период большого цикла, то будем наблюдать обратную картину. Отсюда – средние циклы, приходящиеся на понижательный период большого цикла, должны характеризоваться особой длительностью и глубиной депрессий, краткостью и слабостью подъемов. Средние циклы, приходящиеся на повышательный период большого цикла, должны характеризоваться обратными чертами» (Кондратьев 2002: 380–381). Это верно, с той только существенной поправкой, что, как нами было установлено, не среднесрочные J-циклы зависят от характера фазы K-волны, как считал Кондратьев, а, напротив, характер кластера J-циклов в значительной мере и определяет характер фазы K-волны (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2014; Grinin, Korotayev, Tausch 2016).

² Это дает некоторым аналитикам основания говорить, что все финансовые кризисы, начиная со знаменитой «тюльпановой лихорадки» XVII в. в Голландии, развиваются по одной схеме (см., например: Minsky 1983; 1985; 1986; 2005). При существенной верности этого вывода (в том числе в психологическом плане) он все же является значительным упрощением, поскольку каждый финансовый, тем более экономический, кризис имеет многофакторный характер (см.: Хаберлер 2008; Гринин, Коротаев 2010), в каждом случае особое сочетание причин плюс собственные важные особенности, что всегда делает его непохожим на другие (см. также: Хансен 1959).

с расстройством в области финансов, фондов, бирж, торговых операций, могут предшествовать промышленным (экономическим), проходить одновременно с ними или случаться позже. Кризисы обращения в этом случае обычно угнетающе действуют на всю экономику. Таким образом, спад в разных секторах экономики и кризис обращения выступают как взаимосвязанные проявления фаз рецессии и депрессии в экономическом цикле.

Однако нередки кризисы *нециклического типа*, случающиеся в сфере банков, обмена валют, бирж, отдельных областей торговли, спекуляций и прочих институтов, которые не затрагивают народное хозяйство и экономику в целом в такой мере, как циклические. Нециклические кризисы обращения имеют сравнительно узкий или специальный характер. Иными словами, такие кризисы могут быть сильными и острыми, но не являться частью циклических экономических кризисов (такой кризис может вообще не повлиять на ход цикла, например не прервать фазу подъема).

Теснейшая связь между обращением и промышленностью становится еще более понятной, если учесть важность для развития промышленности объемов товарных запасов, стоимости транспортных перевозок товаров, колебаний спроса на промышленные товары со стороны торговли, цены аренды и прочих услуг, а все это невообразимо сложно переплетено с кредитными, валютными и прочими сферами. Стоит произойти сбоем или резкому перепаду в какой-либо части этого сложного механизма, и он начинает работать совсем не так, как ожидается его участниками. Например, если спекулянты – в надежде, что цены на сырье, топливо или иные ресурсы, необходимые в промышленности, начнут повышаться, – станут скупать эти ресурсы, чтобы усилить их дефицит и искусственно «вздусть» на них цены, а цены вопреки ожиданиям прекратят рост, то это может привести к негативным последствиям. Сначала к чрезмерному предложению данных ресурсов (деньги-то необходимо вернуть), падению цен на них, разорению части спекулянтов и поддерживающих их банков, а затем к обвалу экономики в целом, при котором пострадают уже много других участников экономического процесса, в том числе промышленники, биржевики, торговцы, банки, выдавшие им всем кредит, вкладчики и т. п. Другими сферами, где особенно тесно переплетаются промышленные и финансовые интересы, являются: учредительство новых фирм и акционерных обществ (куда вкладывается капитал большо-

го числа финансовых учреждений и частных лиц)³, строительство жилой недвижимости, продажа земельных участков и т. п.

Дефляционные явления в свете теории длинных волн

Отметим, что возврат угрозы дефляции в последние годы – достаточно закономерное явление, так как смена инфляции и дефляции на довольно длительных интервалах носит циклический характер, что отражено в длинноволновой теории Н. Д. Кондратьева.

В современной мировой экономике на глобальном уровне нет отработанного антициклического механизма, и поэтому во многом действуют неискаженные экономические законы, проявляющие себя, как и в прежние времена, в виде сменяющих друг друга коротких или длинных циклов конъюнктуры.

Мы предполагаем, что в 2020–2021 гг. начнется новый экономический кризис особого типа, характерный для понижательных фаз длинных циклов: ползучий, без резких падений, в виде медленного втягивания в рецессию с усилением депрессивных явлений, который затем перейдет в достаточно долгий депрессивный период.

Возврат угрозы дефляции в последние годы, на первый взгляд, кажется странным, но на самом деле это достаточно закономерное явление. Причина дефляции сегодня кроется в том, что смена инфляции и дефляции на довольно длительных интервалах носит циклический характер и имеет характер длинных волн (или циклов), что было замечено задолго до Н. Д. Кондратьева. Он сумел увидеть за этим феноменом, который до этого просто отмечался некоторыми экономистами, закономерное явление и предложил рассматривать такие колебания как длинные циклы, которые имеют эндогенную природу. Согласно его теории во время длительного подъема (повышательной фазы длинного цикла) преобладают периоды инфляции, которая дополнительно разгоняет спрос. Во время длительных периодов, когда рост слабый, а депрессия идет много лет (понижательная фаза длинного цикла), напротив,

³ М. И. Туган-Барановский говорил (2008 [1913]: 317): «Всякому кризису обязательно предшествует грюндерство – устройство огромного числа новых предприятий. Но ведь грюндерство есть не что иное, как создание нового основного капитала страны».

преобладают периоды дефляции [Кондратьев 2002], как, например, видно на рис. 1 в период Великой депрессии.

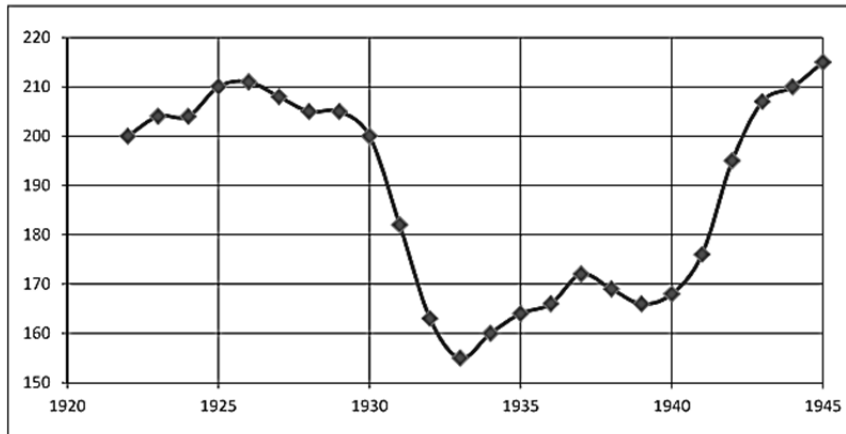

Рис. 1. Динамика индекса потребительских цен США, 1922–1945 гг. (100 = уровень 1860 г.).

Источник: David, Solar 1977: 16–17, table 1.

Причины длиннопериодических колебаний и проблема взаимоотношения средних и длинных циклов рассмотрены нами в ряде работ, например [30].

Эта логика в отношении колебаний цен перестала работать на понижательной фазе четвертой К-волны, в 1970–1980-е гг., когда снижение темпов роста ВВП сопровождалось не дефляцией, а инфляцией. Это новое явление получило название стагфляции. Конечно, важнейшую роль здесь сыграло повышение цен на энергоносители в результате действий картеля ОПЕК, а также на другое сырье и отход от золотого стандарта. В 1980–1990-е гг. инфляция оставалась довольно долго одной из важнейших проблем западных стран, а дефляция была скорее исключением, как это наблюдалось в Японии, в результате «сдутия» пузыря недвижимости в 1990-х гг. (рис. 2) (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2015).

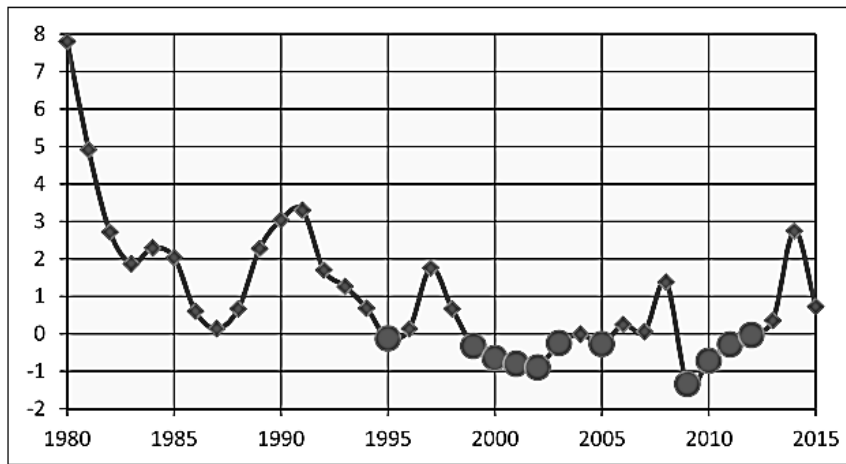

Рис. 2. Динамика темпов инфляции (% в год) в Японии, 1980–2015 гг. Кружки обозначают годы с отрицательными значениями инфляции (то есть дефляционные годы).

Источник: International Monetary Fund 2018. Рассчитано по индексу потребительских цен.

В итоге складывалось убеждение, что ценовые ритмы изменились. С одной стороны, в этом был резон, так как более искусные и научно обоснованные антициклические меры правительств повлияли на характер длинных ценовых волн. Но с другой стороны, в повышательной фазе пятой кондратьевской волны (1980–2000-е гг.) в связи с глобализацией усилились экономические и финансовые связи в мировой экономике. А поскольку на глобальном уровне нет сильного и отработанного антициклического механизма с использованием монетарных и немонетарных мер, подобного регулированию на национальном уровне, то на наднациональном уровне во многом действуют неискаженные экономические законы, проявляющие себя, как и в прежние времена, в виде сменяющих друг друга коротких или длинных циклов конъюнктуры. Поэтому мы пришли к выводу, что в глобальной экономике во многих отношениях произошел возврат к прежней (дерегулируемой) форме протекания экономических циклов.

Это и объясняет возврат дефляции на понижательной фазе пятой К-волны, то есть в настоящее время (как представлено на рис. 3

в отношении Франции и Швейцарии, похожая ситуация сложилась и в других развитых странах).

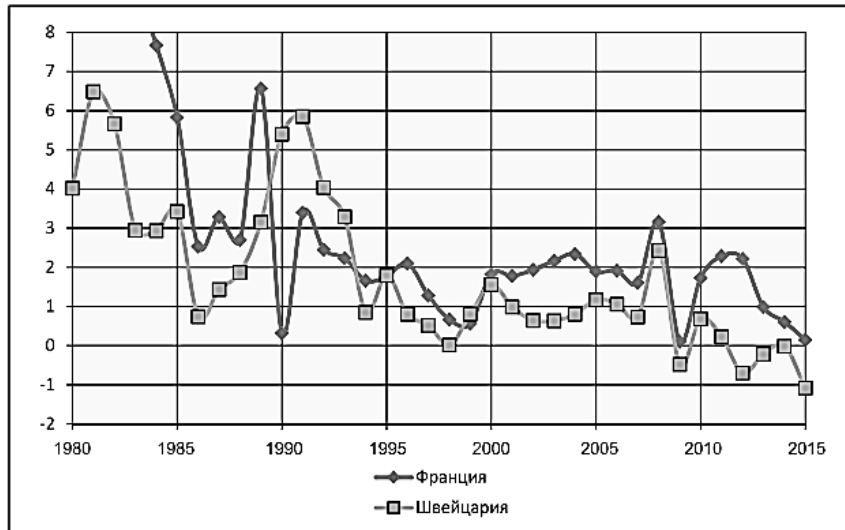

Рис. 3. Динамика темпов инфляции (% в год) во Франции и Швейцарии, 1980–2015 гг.

Источник: International Monetary Fund 2018. Рассчитано по индексу потребительских цен.

Несмотря на очень активные монетарные меры ЦБ, угроза дефляции не отступает, а ценовые пузыри начали «сдуваться». Это связано именно с глобализацией мировых финансов и экономики при отсутствии должного уровня регулирования.

Возник парадокс – деньги в экономику ЦБ вливают в огромных масштабах, процентные ставки снижены практически до нулевого японского уровня, все активнее вводятся отрицательные ставки, а инфляция не растет. Мы объясняли это тем, что усилия ЦБ только частично могут компенсировать сокращение других денежных механизмов, которые в предыдущие годы вызывали бум [Гринин, Коротаев 2015].

Беспрецедентные действия центральных банков, прибегающих к эмиссии в разных формах и другим финансовым технологиям для насыщения экономик дешевыми деньгами, не дают развиваться дефляционному тренду в полной мере, тем не менее в целом он становится все более очевидным. Он захватывает уже и развивающиеся

ся экономики, в том числе Китай, хотя еще в 2011 г. для китайского руководства инфляция была важнейшей и наиболее тревожной проблемой. И так, хотя без этих вливаний ЦБ дефляция бы усилилась, а вместе с этим увеличилось бы число банкротств и снизился бы рост ВВП, уже очевиден тупик, в который приведут такие меры. Мы считаем, что при таких низких ставках уже перейден порог предельной полезности, новые вложения не работают. Соответственно отдача падает. Главная проблема сегодня – отсутствие выгодных и/или безопасных вложений для гигантски увеличившихся с 1990-х гг. денежной массы и денежных производных инструментов.

Западные экономики находятся между Сциллой слабого экономического роста с низкими ставками и Харибдой сверхзадолженности, которая может грозить государственным дефолтом. Сегодняшняя уникальная ситуация для многих стран, когда их долг растет, а стоимость обслуживания долга (за счет повышения стоимости гособлигаций и соответственно понижения их доходности) даже уменьшается, хотя в краткосрочном периоде и выгодна, в реальности загоняет эти страны в ловушку. Во-первых, страдают пенсионные и социальные фонды данных государств, которые не смогут в результате низких бонусов обеспечить рост пенсионно-социальных накоплений для десятков миллионов будущих пенсионеров. Во-вторых, такая ситуация снижает возможность нового витка экономического роста, поскольку появление новых сфер выгодных инвестиций неизбежно повысит стоимость кредита, тем самым обслуживание значительно выросшего государственного долга станет очень тяжелым, а то и неподъемным делом.

Выводы и прогнозы

Исходя из этого, мы делаем прогнозы на ближайшее время.

Последние изменения в мировой экономике, сырьевых отраслях, на фондовых рынках и в политике центральных банков свидетельствуют об усилении депрессивных и дефляционных явлений. Мы предполагаем, что в 2020 и 2021 гг. эти явления будут усиливаться. Мировая экономика движется к новому финансово-экономическому кризису. Но в отличие от 2008 г. это будет, вероятно, не внезапный коллапс, а медленное втягивание в рецессию и финансовое сжатие для некоторых сегментов экономики, что

окажет кумулятивное влияние на финансовый сектор и другие области экономики.

Мы предполагаем, что более явные признаки кризиса могут проявиться во второй половине 2018 г. или в 2019 г. При этом, весьма вероятно, нас ожидает именно «вязкая» рецессия без значительных провалов, но и без возможности изменить ситуацию в течение 2–3 или даже более лет.

Почему данная ситуация отличается от событий 2008 г.? С одной стороны, различные негативные проявления в экономике в 2016–2019 гг. в тех или иных моментах напоминают ситуацию в 2006–2007 гг. с началом ипотечного кризиса, усилением волатильности на фондовых рынках и другими предвестниками кризиса, которые казались преодолимыми и временными. С другой стороны, ситуация существенно отличается.

Во-первых, кризис 2008 г. был кризисом между повышательной и понижательной фазами пятой К-волны, а такие переломные кризисы приобретают особую силу. Это также объясняет столь большой масштаб кризиса 2008–2010 гг., как и кризиса 1974–1975 гг.

Во-вторых, период до 2006–2008 гг. – это повышательная фаза кондратьевской волны (пятой К-волны). Для повышательной фазы характерны инфляция и рост ценовых пузырей, что мы и наблюдали в начале 2000-х гг. Однако кризисы понижательных фаз кондратьевских волн носят иной характер, они менее ярко выражены (коллапсы и обвалы могут отсутствовать или не быть столь сильными), поскольку предшествующие подъемы были относительно слабыми. Но эти кризисы носят более стабильный и затяжной характер. Мы предполагаем, что ближайший кризис (который начнется в 2020 или, поскольку в год выборов подбросят особенно много денег в экономику, в 2021 г.) будет именно таким.

Поскольку дефляция характерна для понижательных фаз кондратьевских волн, мы предполагаем дальнейшее усиление дефляционных явлений (разумеется, с колебаниями и вариациями в разных странах). На усиление дефляционных процессов может оказать влияние и «проедание» национальных фондов нефтедобывающих стран, и сокращение инвестиций нефтяными и другими сырьевыми корпорациями, и ряд других обстоятельств. Усиление этих трендов может выразиться и в дальнейшем «сдутии» пузырей.

В настоящий момент мы фактически и наблюдаем такое «сдутие». Сегодня в мире имеется несколько пузырей. Это пузыри фон-

довых активов, доллар (рост стоимости которого уже создает большие сложности для развития всех экономик, включая США), а также и пузырь национальных долгов, поскольку государственные облигации стали прибежищем для инвесторов. В связи с этим мы предполагаем, что в ближайшие годы фондовые индексы будут весьма волатильными, но общий тренд начнет постепенно и с колебаниями идти вниз. Таким образом, фондовый пузырь мог бы постепенно (но не резко) «сдуваться», возможно, достигнув в итоге уровня 2009 г. Такому тренду будет способствовать и уменьшение доходности корпораций, что мы уже наблюдали в последнее время. Однако за последнее время всеми средствами надули такой пузырь, что возможно, мягко он уже не сдуется.

Относительно доллара можно сказать, что вопрос о его стоимости стал одним из острых и Трамп настаивает на фактической девальвации доллара, что может повести к непредсказуемым последствиям..

Что касается пузыря государственных облигаций, то здесь ситуация будет неоднозначной. В настоящее время в связи с резким сокращением сфер выгодного приложения капиталов, которые, как мы предполагаем, продолжают сокращаться, для инвесторов главной задачей остается именно сохранение своих капиталов. Особенно это касается таких консервативных инвесторов, как пенсионные и иные социальные и национальные фонды. В связи со сказанным, скорее всего, пузырь государственных облигаций продолжит «надуваться», однако это будет касаться только рынка надежных гособлигаций (американских, немецких, японских). Но даже здесь все более важным держателем гособлигаций будут оставаться ЦБ этих стран.

Что же касается рынка облигаций менее надежных государств, который оправился от кризиса 2009–2011 гг., он если и будет расти, то недолго, а далее вновь может послужить источником общего кризиса.

Количество инвесторов, предпочитающих более рискованные операции, сократится, о чем уже свидетельствуют проблемы многих хедж-фондов. Можно ожидать, что отсутствие сфер выгодного вложения для инвесторов, во-первых, поддержит рынок золота и, возможно, других драгоценных металлов (в перспективе эти рынки станут расти), а во-вторых, может усилить мобильность части капитала, который будет стремиться прийти на любой рынок, где

ождается более высокая прибыль, но это также будет способствовать потере капитала в результате падений или снижений этих рынков. Пример с Шанхайским и другими фондовыми рынками в Китае показывает, как это может происходить.

Описанная ситуация, в том числе с проблемами государственного долга, дает основания предполагать, что прогнозируемые нами кризис и депрессия (в 2020–2021 и последующие годы) будут затяжными. Как и в период 2010–2015 гг., здесь могут наблюдаться подъемы, но они (в полном соответствии с теорией длинных циклов) будут вялыми.

В целом выход из депрессии будет связан с завершением понижательной фазы пятой кондратьевской волны и началом повышательной фазы шестой кондратьевской волны (примерно в 2020-х гг., наиболее вероятно, в их середине, но, возможно, и ранее).

О некоторых проблемах российской экономики. Как преодолеть деиндустриализацию

В современной российской экономике много проблем, важнейшая из них – очень низкий экономический рост и слишком жесткая денежно-кредитная политика ЦБ и Минфина, которая сжимает внутренний спрос. Однако в этом разделе мы бы хотели сказать о более общей проблеме – продолжающейся деиндустриализации экономики.

Проблема деиндустриализации экономики новой России была впервые замечена уже спустя два-три года после начала этапа ее радикальной рыночной трансформации, когда обнаружилось, что структурные перекосы в экономике позднего Советского Союза не только не исчезли в результате отмены в стране директивного планирования, но и стали усугубляться. Мы наивно надеялись на силы саморегулирования, которые, так сказать, по определению должны были привести структуру нашей экономики к современному виду. Но вышло, как известно, по-другому.

Отмена государственной монополии на внешнеторговые операции, свободное ценообразование, быстрая либерализация валютного режима – все это привело к тому, что исчез так мучивший советских людей унижительный товарный дефицит и резко увеличилось предложение продовольственных и потребительских товаров. Эти изменения весьма благоприятно воздействовали на потребите-

лей. В целом тогда был сделан крен в сторону удовлетворения потребительского спроса. И успех такой операции был очевиден.

Правда, при этом «забыли», что потребители должны иметь деньги, чтобы покупать ранее недоступные товары и услуги, а следовательно, должны их где-то зарабатывать. И вот здесь начались проблемы, которые при всех успехах рыночных преобразований в стране существуют до сих пор. Брошенная в ничем не ограниченную рыночную стихию подавляющая часть советской обрабатывающей промышленности получила сокрушительный удар в виде стремительной утраты возможностей сбыта, и в результате так же стремительно стала сужаться ее доля в общей хозяйственной деятельности и России, и всех других новоиспеченных независимых государств.

Собственно, тогда и возникла проблема, которую я называю примитивизацией структуры экономики и которая, к сожалению, стала тенденцией. Конечно, и в сегодняшней российской обрабатывающей промышленности имеются отдельные замечательные успехи. Как когда-то были Герои Социалистического Труда, так и сейчас есть «герои капиталистического труда», которые занимаются серийным производством готовых изделий. Но их доля в валовом производстве скандально низка.

Для страны, которая начиная с 1930-х и до начала 1990-х гг. имела традиции мощного индустриального ландшафта, это, конечно, унижительно. Не будем здесь вдаваться в разнообразные причины такого развития событий, назову главную. В начале реформ нам хотелось иметь структуру, которая отвечает современным стандартам, но произошел очень большой перекоп в сторону сил саморегулирования и наблюдался преднамеренный отказ от «видимой руки» государства. В результате уже много лет мы находимся перед выбором: либо продолжение деиндустриализации и сползание в зону «технологического захолустья», либо резкий рывок в области реиндустриализации.

Существует много различных представлений о том, как это нужно сделать. Если отбросить самые экзотические и экстравагантные, то «водораздел» определяется двумя школами мышления, различающимися отношением к экономической теории и практике, прежде всего к роли государства в хозяйственных процессах. Разграничение четко прослеживается по ряду позиций, и я хочу коротко их обозначить.

Первая позиция – макроэкономическая стабильность, что на простом языке означает низкую инфляцию. Представители не поддерживаемой нами школы мышления постоянно призывают к тому, что она не должна превышать 3–4 %. Тогда будто бы понизится стоимость кредита, начнется долгосрочное кредитование, появятся желаемые «длинные деньги» и начнется инвестиционный бум. Но вот в последние два года удалось выйти на такую низкую инфляцию. И что же? Никакого рывка не наблюдается. Да и наблюдаться не могло.

Другая школа мышления, которая нам ближе, считает, что небольшая инфляция – весьма значимый, но не решающий фактор для того, чтобы реиндустриализация началась не только в риторике, но и на практике. Сегодня нет недостатка в финансовых ресурсах. И дело не только в том, что деньги дороги. Просто у кредитора и заемщика большой страх, что средства, потраченные на производство тех или иных продуктов, не дадут желаемого результата: изготовленные товары не найдут сбыта. В условиях зажатого спроса это становится все очевиднее.

Вторая позиция – бездефицитный бюджет. Здоровые государственные финансы – это очень хорошо. Весь развитый мир находится сегодня в зоне турбулентности только потому, что там допустили чрезмерный дефицит бюджета. Однако, с нашей точки зрения, это было неизбежно, потому что нужно было каким-то образом останавливать кризис. Иногда говорят, что увеличение государственных расходов через политику количественного смягчения – это не что иное, как «заливание пожара керосином». Но на самом деле это неверно. Пожар заливают все-таки водой. А вот когда случится наводнение, то есть скачок инфляции, тогда будем им заниматься.

Но бездефицитного бюджета сторонникам финансизма уже мало. Они добились профицитного бюджета, когда расходы меньше доходов на триллионы рублей. И что же? Это только ухудшило экономические показатели.

Следующая, третья, позиция – очень важная: совершенствование инвестиционного климата. Его почему-то ставят во главу угла, когда говорят о необходимости начать процесс реиндустриализации. Прежде всего педалируется установка на создание благоприятных условий только для потенциальных инвесторов: снижение налогового бремени, гипертрофированные надежды на прямые иностранные инвестиции и малый бизнес.

Разумеется, благоприятные условия для инвесторов необходимы, но для решения задач реиндустриализации российской экономики явно недостаточны. Постоянно идет разговор о снижении налогового бремени для потенциальных инвесторов как об основном драйвере экономического роста. Я убежден, что это далеко не так. Исследования последних лет, в том числе таких гуру современной экономической науки, как Пол Кругман или Джозеф Стиглиц, доказывают эмпирически, что излишнее неравенство не способствует, а вредит росту. У нас скандальное неравенство. И если оно будет усиливаться, то проблема справедливости или несправедливости превратится из этической в реальную проблему «закупорки» роста, потому что сужение среднего класса неизбежно ведет к снижению покупательной способности.

Надежды на прямые иностранные инвестиции как на «палочку-выручалочку» в результате введения санкций окончательно растаяли. Нужны собственные инвестиции, однако дело даже с утверждёнными инвестициями в национальные проекты пробуксовывает.

Про малый бизнес постоянно говорят, что нужно достигать западных стандартов, то есть 60–70 % ВВП, у нас – 20 %. Между тем наш малый бизнес весьма развит, очень эффективен и организован, а не дает он 70 % ВВП потому, что нет большого индустриального бизнеса, который в отличие от топливно-сырьевого как раз и нуждается в малых предприятиях.

Если бы у нас были крупные корпорации, выпускающие готовую продукцию, то стихийно возникло бы много малых и средних предприятий, которые производили бы для них узлы и детали. Так что никакое «одно окно», придуманное для инициации малой деятельности, ничему не поможет. Так, в строительстве и сфере услуг малый бизнес существует и очень мощно работает и без всякого «окна», нельзя же серьезно думать, что молодые бизнесмены «лежат на печи» и ждут, пока Министерство экономического развития создаст им благоприятные условия. Когда предприниматели видят, что их продукция продается, они справляются и с нашим неправовым сознанием, и с любыми административными барьерами.

В последние несколько лет фискальная политика буквально задавила и тот малый бизнес, который пытался работать.

Четвертая позиция – прекращение роста заработной платы из-за якобы систематического повышения производительности труда.

Этот пункт особенно прижился в «Стратегии-2020», выполнение которой, к сожалению, не состоялось. Сегодня о ней благополучно забыли.

Пятая позиция – важный «водораздел» проходит по линии так называемых системных реформ. Утверждается, что мы стали их «резво» проводить в начале нулевых годов, а затем будто бы все прекратили,

и стало плохо. Что такое системная реформа? На нормальном русском языке это коммерциализация или установка на самоокупаемость «всего и вся», в том числе максимальное самофинансирование науки, образования, культуры и здравоохранения. Как видно, сегодня этот курс так или иначе реализуется, что абсолютно контрпродуктивно как для страны в целом, так и для реиндустриализации ее экономики в частности.

Шестая позиция – вредоносность «государства всеобщего благоденствия». С гордостью утверждается, что плоская шкала налогообложения – абсолютное благо. Завидует весь мир. Да здравствует мученик, наш новый русский Жерар Депардьё! Далее следует вывод: чем слабее перераспределение первичных доходов, тем лучше для экономической активности и роста. Мы уже говорили о том, что происходит ровно наоборот.

Наконец, даже те, которые соглашаются с нами, что государственная активность должна иметь приоритет, особенно тогда, когда экономика во всем мире развивается вяло, отдают предпочтение сначала ректификации госаппарата, а лишь затем – промышленной политике. Однако в данном случае не может быть никакой иерархии. Необходимо проводить промышленную политику и реиндустриализацию с тем аппаратом, который есть, и он сам будет улучшаться по мере изменения содержания его работы.

Ну и в заключение невредно напомнить, что есть множество жизненно необходимых обществу благ, которые рынку неинтересны, так как они не дают немедленной прибыли. Но и здорового общества без них не бывает. Наука, образование, культура, здравоохранение – четыре основные сферы, которые должно опекать и в значительной мере финансировать государство, – больше никому. Только оно способно создать порядок, при котором работающий поддерживает безработного, здоровый – больного, молодой – старого. Приняты, отметим, важные национальные проекты в ряде

направлений, теперь необходимо их реализовать, чтобы их не постигла судьба программы «Россия 2020».

Библиография

- Гринберг Р. С. 2015.** Экономика современной России: состояние, проблемы, перспективы. Общие итоги системной трансформации. *Век глобализации* 1(15): 166–182.
- Гринберг Р. С. 2016.** Состояние и перспективы экономики современной России. Осмысливая роль государства в экономике. *Кондратьевские волны: Циклическая динамика в прошлом и настоящем: ежегодник* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 109–130. Волгоград: Учитель.
- Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я. 2008.** *Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика.* М.: ИЭ РАН.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2010.** *Глобальный кризис в ретроспективе: Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена.* М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012.** *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюглярских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек.* М.: ЛКИ/ URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2014.** Взаимосвязь длинных и среднесрочных циклов (кондратьевских волн и жюглярских циклов). *Кондратьевские волны: длинные и среднесрочные циклы: ежегодник* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 15–73. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2015.** Дефляция как болезнь современных развитых стран. *Анализ и моделирование мировой и страновой динамики: методология и базовые модели* / Отв. ред. В.А. Садовничий, А. А. Акаев, С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, с. 241–270. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Коротаев А. В. 2010а.** Математическая модель среднесрочного экономического цикла. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, с. 292–304. М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Коротаев А. В. 2010б.** Математическая модель среднесрочного экономического цикла и современный глобальный кризис. *История и Математика: Эволюционная историческая макроэкономика* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 233–284. М.: ЛИБРОКОМ/ URSS.

- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Цирель С. В. 2011.** *Циклы развития современной Мир-Системы*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Гринберг Р. С. 2016.** Введение. Циклическая динамика и некоторые проблемы мировой и российской экономики. *Кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн* 62: 5–16. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Бондаренко В. М. и др. (Ред.) 2017.** Введение. Юбилей Н. Д. Кондратьева в свете современных проблем мировой экономики. *Н. Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности* 30: 5–17. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Бондаренко В. М. и др. (Ред.) 2018.** Введение. Юбилей Н. Д. Кондратьева в свете современных проблем мировой экономики. *Н. Д. Кондратьевские волны: к 125-летию со дня рождения Н. Д. Кондратьева: ежегодник* 5: 5–14. Волгоград: Учитель.
- Гринберг Р. С., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2018.** Циклическая экономическая динамика и дефляционные явления: анализ и прогнозы. *ВЕСТНИК РФФИ. Гуманитарные и общественные науки* 2.
- Кондратьев Н. Д. 1928.** *Большие циклы конъюнктуры: Доклады и их обсуждения в Ин-те экономики* (Совместно с Опариным Д. И.). М.: Рос. ассоц. н.-и. ин-тов обществ. наук, Ин-т экономики.
- Кондратьев Н. Д. 1988 [1923].** Спорные вопросы мирового хозяйства и кризиса (Ответ нашим критикам). *Мировая экономика и международные отношения* 9: 64–76.
- Кондратьев Н. Д. 1993 [1925].** Большие циклы конъюнктуры. *Избранные сочинения*. М.: Экономика.
- Кондратьев Н. Д. 2002 [1926].** Большие циклы экономической конъюнктуры. В: Кондратьев Н. Д., *Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды*, с. 341–400. М.: Экономика.
- Кондратьев Н. Д. 2002 [1928].** Динамика цен сельскохозяйственных и промышленных товаров. В: Кондратьев Н. Д., *Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды*, с. 401–502. М.: Экономика.
- Кондратьев Н. Д. 2002.** *Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды*. М.: Экономика.
- Туган-Барановский М. И. 1894.** *Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и ближайшие влияния на народную жизнь*. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова.

- Туган-Барановский М. И. 2008 [1913].** *Периодические промышленные кризисы.* М.: Директмедиа Паблишинг.
- Хаберлер Г. 2008.** *Процветание и депрессия. Теоретический анализ циклических колебаний.* Челябинск: Социум.
- Хансен Э. 1959.** *Экономические циклы и национальный доход.* М.: Изд-во ин. лит-ры.
- Acemoglu D., Robinson J. A. 2012.** *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty.* New York: Crown Business.
- David P. A., Solar P. 1977.** A Bicentenary Contribution to the History of the Cost of Living in America. *Research in Economic History* 2: 1–80.
- Grinin L., Korotayev A., Malkov S. 2010.** A Mathematical Model of Juglar Cycles and the Current Global Crisis. *History & Mathematics. Processes and Models of Global Dynamics* / Ed. by L. Grinin, P. Herrmann, A. Korotayev, A. Tausch, pp. 138–187. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L., Korotayev A., Tausch A. 2016.** *Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery.* Springer International Publishing Switzerland.
- International Monetary Fund. 2018.** *World Economic Outlook (WEO) database.* Washington, DC: International Monetary Fund, URL: <http://www.imf.org/external/index.htm>.
- Juglar C. 1862.** *Des crises commerciales et de leur retour périodique en France, en Angleterre et aux États-Unis.* Paris: Guillaumin.
- Juglar C. 1889 [1862].** *Des crises commerciales et de leur retour périodique en France, en Angleterre et aux États-Unis.* 2ème ed. Paris: Alcan.
- Minsky H. P. 1983.** The Financial Instability Hypothesis: An Interpretation of Keynes and an Alternative to “Standard” Theory. *John Maynard Keynes. Critical Assessments* / Ed. by J. C. Wood, pp. 282–292. London: Business & Economics.
- Minsky H. P. 1985.** The Financial Instability Hypothesis: A Restatement. *Post-Keynesian Economic Theory: A Challenge To Neo Classical Economics* / Ed. by P. Arestis, T. Skouras, pp. 24–55. Brighton: M. E. Sharpe.
- Minsky H. P. 1986.** *Stabilizing an Unstable Economy.* New Haven, CT: Yale University Press.
- Minsky H. P. 2005.** *Induced Investment and Business Cycles.* Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar.
- Schumpeter J. A. 1939.** *Business Cycles.* New York: McGraw-Hill.